

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2212](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212)

Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157—179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.

For citation:

Veselov Y. V., Skvortsov N. G. (2023) Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 157–179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>. (In Russ.)

Получено: 23.03.2022. Принято к публикации: 26.12.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕ- РИЯ В РОССИИ

ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: yurivitalievichveselov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7797-2594>*

СКВОРЦОВ Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: n.skvortsov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7194-1444>*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования и развития культуры доверия в России. Основной исследовательский вопрос — почему в России уровень доверия относительно низкий? Для ответа на него авторы разбирают понятие культуры доверия и ключевые социологические концепции трансформации доверия (Ф. Фукуямы, Э. Гидденса, Н. Лумана, П. Штомпки); объясняют логику формирования доверия в России начала XX века; показывают преобразование традиционного доверия, основанного на партикуляризированном доверии внутри крестьянских сообществ, в современное, основанное на доверии генерализованном, институциональном и ролевом. Авторы выявляют причины формирования специфической «культуры недоверия» в 1930-е годы в советском обществе и показывают постепенный процесс накопления «капитала доверия» в послевоенный период. Падение уровня доверия

TRANSFORMATION OF THE CULTURE OF TRUST IN RUSSIA

*Yuri V. VESELOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Chair of Economic Sociology
E-MAIL: yurivitalievichveselov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7797-2594>*

*Nikolai G. SKVORTSOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology
E-MAIL: n.skvortsov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7194-1444>*

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the processes of formation and development of a culture of trust in Russia. The main research question is why the trust level is relatively low in Russia. To answer it, the authors analyze the concept of a culture of trust and the main sociological concepts of the transformation of trust (F. Fukuyama, E. Giddens, N. Luhmann, P. Sztompka); explain the logic of the formation of trust in Russia at the beginning of the 20th century; show, as a result of urbanization processes, the transformation of traditional trust, based on particularized trust within peasant communities, into modern, based on generalized, institutional and role-based trust. The authors identify the reasons for the formation of a specific “culture of distrust” in the 1930s in Soviet society and show the gradual process of accumulation of “trust capital” in the post-war period. The fall in trust in the 1990s was associated with the “trauma of change,” but the beginning of confidence building in

в 1990-е годы связано с «травмой перемен», но начавшееся в 2000-х годах укрепление доверия не имело продолжения. Причины этого множественные, главные из них связаны с ростом социального неравенства (поскольку доверие и справедливость существуют только вместе) и неэффективной работой общественных институтов. Современное преобразование культуры доверия связано с начавшейся цифровой революцией, на наших глазах формируется новая цифровая культура доверия в социальных сетях, в использовании интернета для дистанционной работы и покупок товаров и услуг. Для анализа культуры доверия авторы провели эмпирическое исследование (телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга ($N = 1\,032$), интернет-опрос ($N = 505$) и 45 глубинных интервью), результаты которого обобщаются в данной статье.

Ключевые слова: доверие, генерализованное доверие, институциональное доверие, сравнительная социология доверия, культура доверия, цифровое доверие

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А.

Введение. Общие определения

В статье мы сначала рассмотрим общие определения доверия, его типы и виды; потом обсудим проблему измерения доверия и представим количественные данные наших эмпирических исследований в Санкт-Петербурге; затем вернемся к теоретическому анализу трансформации доверия и рассмотрим процессы изменения доверия в истории СССР и современной России; в заключении на основе данных глубинных интервью покажем, как происходило формирование особой российской культуры доверия.

В социологии доверие определяется как уверенность (*confidence*) в надежности человека или системы [Giddens, 1990: 34]. Примерно так же понимается до-

the 2000s failed to continue in subsequent years. The reasons for this are multiple, but the main ones are related to the growth of social inequality (since trust and justice exist only together) and the inefficient work of public institutions. The modern transformation of the culture of trust is associated with the beginning of the digital revolution. Before our eyes, a new digital culture of trust is being formed in social networks, using the Internet for remote work and purchases of goods and services. To analyze the culture of trust, the authors conducted an empirical study (telephone survey of residents of St. Petersburg ($N = 1\,032$), Internet survey ($N = 505$), and 45 in-depth interviews, the results of which are summarized in this article.

Keywords: trust, generalized trust, institutional trust, comparative sociology of trust, culture of trust, digital trust

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant 20-011-00155 A.

верие в повседневной жизни, толковый словарь С. И. Ожегова дает нам следующее определение: «Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь»¹. В психологии доверие рассматривается как высшее чувство [Купрейченко, 2008: 28—41], а в социологии оно исследуется как социальное действие — «ставка на то, как поведут себя в отношении вас другие» [Sztompka, 1999: 75]. В этом определении подчеркивается деятельностный, рациональный и вероятностный характер доверия, то есть оно связано с действиями людей; доверие обладает смыслом и не предполагает полный контроль над поступками других. В процессе институционализации отношения доверия приобретают ролевой характер. Дж. Коулман выделяет две базовые роли — тот, кто оказывает доверие (*trustor*) и тот, кому оказывается доверие (*trustee*) [Coleman, 1990: 91], они могут заменяться с течением времени, между ними могут находиться разнообразными социальными посредниками. Доверие — институционализированный процесс, в типических социальных ситуациях определены правила и нормы доверия: ребенок в процессе социализации обучается кому, в каком случае и насколько можно доверять, а взрослый уже довольно легко и непринужденно ориентируется в этом социальном пространстве доверия/недоверия. А. Смит, например, считал, что каждый ребенок обладает врожденным чувством доверия («слепое доверие»), а далее общество (семья и школа) обучают его благоразумному недоверию. Однако если бы ролевое поведение было жестко закреплено в отношениях людей, и можно было бы легко предвидеть и контролировать их действия, тогда и необходимости в доверии не возникало бы. Наоборот, доверие связано с отклонением от правил поведения роли, с тем, что А. Селигмен называет «открытым пространством ролей» [Селигмен, 2002: 21]. Поэтому функционально доверие снижает уровень неопределенности в отношении индивидов, решает «проблему риска», как утверждал Н. Луман [Luhmann, 1996: 94—107]. Тем самым доверие делает социальное взаимодействие более эффективным, его социальный механизм связан со снижением издержек социального обмена (например, в экономике доверие снижает уровень трансакционных издержек).

Как на личностном уровне, так и на уровне общества, доверие может накапливаться (или растрачиваться) и приносить своим обладателям символическую прибыль, то есть выступает в роли социального капитала. На уровне индивида социальный капитал — это его социальные связи и отношения, считает П. Бурдье [Бурдье, 2002: 66]. «...Социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно», — добавляет Дж. Коулман [Коулман, 2001: 124]. Социальный капитал доверия функционирует примерно так же, как и человеческий капитал: накопленные знания, умения и навыки доверия и репутация используются индивидом для построения эффективной социальной коммуникации, что в будущем приносит ему добавочную ценность — такой человек быстрее и с меньшими социальными издержками достигает своих целей. Полученная символическая прибыль вполне может конвертироваться в денежную прибыль, например, доверие как ресурс активно используется в предпринимательской деятельности. При этом речь не идет о макси-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/doverie/?q=742&n=170539> (дата обращения: 20.02.2023).

мальном доверии, а скорее об оптимальном, где необходим правильный баланс доверия и недоверия.

На уровне общества доверие как социальный капитал связано не только с накоплением позитивных практик доверия между людьми, но и с доверием между социальными группами (например, этническими), доверием людей государству и социальным институтам [Шрадер, 2004: 49—61]. Доверие, нормы реципрокности и социальные сети являются составными частями социального капитала и повышают эффективность общества благодаря скоординированным действиям [Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993: 167]. Старая голландская поговорка гласит: «Доверие приходит пешком, а уезжает верхом на лошади» (*Vertrouwen komt te voet en gaat te paard*). Это одно из общих правил функционирования доверия как социального капитала — доверие долго и тяжело накапливается и очень быстро теряется. Вряд ли доверие может долго сохраняться в виде «отложенного капитала», наоборот, оно постоянно производится и воспроизводится в разнообразных социальных отношениях. Понятие культуры доверия отличается от понятия социального капитала доверия, это особая система правил и норм формирования и изменения отношений доверия и недоверия, их критериев, специфических оснований и детерминант [Купрейченко, Мерсиянова, 2013: 5—24]. Когда мы говорим о культуре доверия, речь идет не о накоплении доверия или недоверия в обществе, а скорее о том, как происходит этот процесс, под воздействием каких факторов формируются в течение длительного периода времени в зависимости от социально-исторического контекста правила и нормы доверия. Например, в период экономического кризиса накопленное доверие государству обычно быстро теряется, что характерно для всех обществ, но в национальной культуре всегда остается исторически сложившаяся установка на общее доверие к государству. Культура доверия связана с «коллективной памятью», считает П. Штомпка: «Культурные правила, касающиеся доверия, — это сложно переплетающиеся исторические результаты коллективного опыта. Будучи свидетельством позитивного или негативного опыта данного общества в прошлом, они могут существенно изменить нынешние расчеты, а также индивидуальные склонности отдельных людей» [Штомпка, 2005: 331].

В социологической теории доверия выделяют несколько его типов и видов. Существуют доверие между людьми — «*межличностное доверие*»; доверие между социальными общностями — «*межгрупповое доверие*»; доверие людей социальным, экономическим и политическим институтам — «*институциональное доверие*»; доверие системам — «*системное доверие*», например, системам знания или техническим цифровым системам — «*цифровое доверие*» [Леонова, 2015: 34—41]. Межличностное доверие в свою очередь подразделяется на несколько видов:

— *Генерализированное доверие* — доверие другим людям вообще, или точнее — доверие обобщенному другому, которое обычно операционализируется в вопросе «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?»;

— *Партикуляризированное доверие* — доверие тем людям, кого индивид знает лично, это члены семьи, родственники, друзья, знакомые, соседи;

— *Доверие чужакам* — то есть доверие незнакомым людям (обычно это те, кого индивид встречает впервые). Оно противостоит партикуляризированному доверию.

Сопоставление последних двух видов доверия связано с понятием «радиус доверия» — насколько широко индивид включает в свой круг доверия других людей: сначала это члены семьи, потом родственники, затем друзья, знакомые, соседи, коллеги, и, наконец, совсем незнакомые люди. Радиус доверия связан не с уровнем доверия (высокий-низкий), а с масштабом доверия (широкий-узкий) [Hu, 2017: 147]. В социологии доверия аксиомой считалось, что ориентация на коллективистские установки снижает радиус доверия, а ориентация на индивидуализм расширяет радиус доверия [Delhey, Newton, Welzel, 2011: 786—807; Van Hoorn, 2014: 1256—1259], однако новые данные ставят под вопрос это положение. Проведенные в Южной Корее широкомасштабные эмпирические исследования показывают обратную картину [Lim, Im, Lee, 2021: 149—171]. Исследования уровня доверия в Китае также разрушают другую аксиому социологической теории доверия — «чем выше уровень демократии, тем выше уровень генерализованного доверия». Чтобы объяснить этот парадокс — как высокий уровень генерализованного доверия в Китае сочетается с невысоким уровнем развития демократии, некоторые исследователи (например, американский социолог Эрик Усланер) полагают, что китайское понимание доверия просто сильно отличается от европейского. Однако на наш взгляд, дело не в этом: доверие отличается в западных и восточных странах, поэтому без понятия культуры доверия, очевидно, нельзя обойтись.

Социология доверия, как и социология в целом, стремится быть позитивистской наукой — значит, найти методы и технику измерения различных типов и видов доверия. Для измерения уровня доверия используют массовые опросы. Обычно генерализованное доверие операционализируется в вопросе: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?», именно так измеряет доверие в различных странах WVS (World Value Survey, Q57). Почти так же измеряет доверие EVS (European Values Study, Q7): «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять, или осторожность никогда не помешает (*you can't be too careful*) в отношениях с людьми?». Наш отечественный ФОМ использует при измерении доверия примерно такой же вопрос: «Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми следует быть осторожными. Какая точка зрения вам ближе?». Другие организации, например, Edelman Trust Barometer, для расчета уровней доверия использует оценку по специальной девятибалльной шкале (расширение шкалы Лайкерта).

В научной литературе обсуждается адекватность такого измерения генерализованного доверия [Ромашкина и др., 2018: 464—486]. Например, в методике WVS в качестве противоположности доверию предлагается осторожность, хотя в действительности можно одновременно доверять другим людям и быть осторожным. Также ставится под сомнение и дихотомическая шкала измерения (доверяете или нет) [Рыжова, 2019: 81—94]. Вносит путаницу и то, что, например, уровень партикуляризованного доверия (доверие членам семьи, доверие соседям, доверие людям, которых вы знаете лично) измеряется WVS по шкале Лайкерта, что не позволяет его адекватно сравнивать с измеряемым по дихотомической шкале генерализованным доверием. На наш взгляд, главная проблема в методике измерения доверия связана с тем, что, строго говоря, все эти про-

цедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, а все же мнение людей о доверии. Поэтому для измерения доверия необходимо сочетание количественных и качественных методов; построение моделей проективных ситуаций, в которых респонденты бы могли выбрать тот или иной способ действия, показывающий их реальную ориентацию на доверие/недоверие в конкретных условиях.

Методология исследования

Наше эмпирическое исследование имело общую цель показать трансформацию доверия (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Для достижения этой цели мы должны были выполнить три группы задач. Первая заключалась в том, чтобы измерить как общий уровень генерализированного доверия (по дихотомической шкале и по шкале Лайкерта), так и уровень партикуляризированного доверия; сравнить их с другими регионами и с уровнем доверия в среднем по РФ; а также измерить уровень самооценки доверия и радиус доверия. Чтобы определить место России на «географической карте доверия», надо было сравнить текущий уровень генерализированного доверия в РФ с другими странами. Для измерения институционального доверия мы спросили жителей города и области насколько они доверяют правительству России; насколько правительство доверяет нам, гражданам страны, и просили оценить — способствуют ли действия правительства в целом укреплению доверия в обществе. Для выполнения первой группы задач, связанной с измерением разных уровней доверия, наиболее адекватным методом нам представлялся телефонный опрос жителей города по репрезентативной выборке; мы такой опрос провели в июле 2020 г. Выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам ($N = 1032$). База телефонных номеров формировалась случайным образом, на основе номерной емкости. Опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в системе CATI, опросный лист содержал 20 вопросов.

Вторая группа задач связана с исследованием цифровой трансформации доверия. Для этого нам необходимо было измерить уровни «цифрового доверия»: доверие в социальных сетях (например, подписчикам и «друзьям» в соцсетях «ВКонтакте», «Одноклассники»); доверие в цифровой экономике (доверие мобильным приложениям банков; интернет-торговле; интернет-порталам «Госуслуги», «Налог.ру» и др.); также мы просили респондентов оценить влияние эпидемии COVID-19 на уровень доверия или недоверия в обществе. Для исследования «цифрового доверия» наиболее подходящим методом считается интернет-опрос, поскольку респонденты в большей степени обладают навыками цифрового поиска и уже находятся в интернет-среде. Мы провели такой интернет-опрос жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сентябре 2021 г. Выборка по набору респондентов неограниченная — любой интернет-пользователь мог принять участие в опросе. Объявление давалось в пабликах, выборка нерепрезентативная, по характеру целевая: мы специально сравнивали мнение жителей крупного города (Санкт-Петербурга), малых городов (в них проживает большинство жителей Ленинградской области) и сельских жителей — из 505 опрошенных 119 прожи-

вают в малых городах и 70 — в сельских поселениях. Опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ, анкета содержала 12 вопросов (одиннадцать закрытых и один полузакрытый).

Третья группа задач связана с исследованием общей трансформации культуры доверия. Это не только текущие изменения, но и «длинные волны» динамики доверия, связанные с процессами модернизации (и постмодернизации) общества; индустриализации и постиндустриализации экономики. Нам надо было выявить, как менялось доверие при переходе от советского общества к постсоветскому; как изменялась культура доверия в контексте семейных историй в XX веке; как люди воспринимают изменение доверия сейчас, при переходе к цифровому обществу. Наиболее адекватным методом эмпирического исследования культуры доверия мы считаем глубинные интервью, а также фокус-группы. Однако в 2020—2021 гг. у нас была возможность провести только глубинные полуструктурированные интервью², всего их было 45. Мы разработали два гайда для глубинного интервью; вопросы сгруппированы в следующих блоках:

Блок 1. Общие показатели и оценка доверия;

Блок 2. Доверие в личных отношениях;

Блок 3. Цифровое доверие и социальные сети;

Блок 4. Культура доверия в России.

Для последующего анализа все интервью были транскрибированы.

Результаты исследования и анализ данных

В нашем исследовании в Санкт-Петербурге уровень генерализованного доверия (по методике WVS, дихотомическая шкала, телефонный опрос населения Санкт-Петербурга, 2020 г.) составляет 25,7 %. Эти данные согласуются со средними показателями по РФ: согласно исследованию WVS, уровень генерализованного доверия в России составляет 22,8 % в 2018 г. (N = 3648)³ По данным Фонда общественного мнения (ФОМ) уровень генерализованного доверия в РФ составляет примерно 20 % (2017 г.), в Москве — 25 %⁴, что вполне объяснимо: обычно в крупных городах уровень генерализованного доверия выше, чем в малых городах и в сельских поселениях. В других исследованиях данные незначительно отличаются. Так, И. Мерсиянова отмечает⁵, что уровень генерализованного доверия в России составляет 26 %⁶. Однако если немного изменить методику измерения, и сформулировать вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и ответы распределить по шкале Лайкерта, то 16,2 % респон-

² Проводились они специалистами к. ф. н., доцентом Е. В. Капусткиной и к. с. н. М. В. Беловой., за что мы выражаем им нашу глубокую благодарность.

³ World Values Survey. Wave 7 Q57 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁴ Доверие как фактор общественной жизни (интервью с Л. Паутовой) // 2035.media. 2017. 14 июня. URL: <http://2035.media/2017/06/06/pautova-interview/> (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Мерсиянова И. В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_Izmenilos-li-doverie-v-rossijskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

⁶ Телефонный опрос, N = 2012, исследование проводилось в 2020 г. в рамках мониторинга состояния гражданского общества Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

дентов в Санкт-Петербурге однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1% считают, что можно доверять, но только частично. В Москве в 2014 г. 47,6% респондентов склонны доверять людям (по сумме ответов «точно можно доверять» и «скорее можно доверять») [Рыжова, 2016: 78] против 61,3% в Санкт-Петербурге по нашим данным. Согласно исследованию О. Боровинских, этот показатель еще выше в Новосибирске — 62,5%, а в Екатеринбурге — 57,6%, в Омске — 57,1%; в Казани — 55,1% [Боровинских, 2017: 236—240]. Чтобы измерить и оценить самооценку доверия, мы спросили ⁷ жителей Санкт-Петербурга: «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?»: 1,2% респондентов ответили «полностью доверяют», а «частично доверяют» — 40,4%. ФОМ в 2019 г. (N = 1500) задавал примерно такой же вопрос: «На ваш взгляд, сегодня в нашем обществе люди чаще относятся друг к другу с доверием или с недоверием?». Ответы по дихотомической шкале распределились таким образом: «с доверием» — 16%; «с недоверием» — 78%⁸.

Итак, хотя уровень генерализованного доверия в Санкт-Петербурге один из самых высоких в России, он все же не сильно отличается от общероссийских показателей; если сравнивать со странами высокого уровня доверия (Швеция — 62,8%; Дания — 73,9%; Норвегия — 72,1%; Китай — 63,5%), то можно констатировать, что Россия характеризуется низким уровнем генерализованного доверия, что также подтверждается данными самооценки доверия. Обе российские столицы — Москва и Санкт-Петербург, также не могут похвастаться высоким уровнем этого показателя. Однако Россию нельзя отнести к странам самого низкого доверия: Перу — 4,2%; Колумбия — 4,5%; Эквадор — 5,2%; Чили — 12,9%; Кения — 9,5%; Египет — 7,2%. Мы входим в одну группу вместе с бывшими социалистическими странами Восточной Европы: Польша — 24,1%; Чехия — 21,1%; Словакия — 21,4%; Болгария — 17,1%; Хорватия — 13,6%; Венгрия — 27,2%; Румыния — 11,4%; Сербия — 16,3%; Словения — 25,3%⁹.

Чтобы измерить уровень партикуляризованного доверия, в телефонном опросе населения Санкт-Петербурга присутствовал вопрос: «Насколько Вы доверяете членам Вашей семьи?». WVS измеряет доверие в семье по шкале Лайкерта, мы для сравнения поступили так же. По сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю» уровень партикуляризованного доверия составляет 95,4% в Санкт-Петербурге (телефонный опрос, 2020 г.), по данным WVS в РФ в среднем полностью доверяют членам семьи — 97,7%; что сопоставимо со странами высокого уровня доверия: Китай — 99,1%; Швеция — 98,5%; Норвегия — 98,9%; Дания — 99,5%¹⁰. Чтобы определить радиус доверия, мы измерили уровень доверия незнакомым людям: «Насколько Вы доверяете людям, которых встречаете впервые?» (ответы распределены по шкале Лайкерта): в Санкт-Петербурге он составляет 60,1%, что существенно отличается от средних показателей по РФ

⁷ Интернет-исследование, 2021 г., шкала Лайкерта.

⁸ Межличностное доверие: Надо ли доверять людям? Можно ли вернуть утерянное доверие? // ФОМ. 2019. 6 июня. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 09.10.2022).

⁹ World Values Survey. Wave 7. Q57 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

¹⁰ Там же: Q58.

(21,9%), — видимо, сказывается эффект большого города. В странах Восточной Европы показатели примерно такие же: Польша — 25,9%; Чехия — 35,5%; Словакия — 32,3%; Венгрия — 38,9%; Сербия — 23,4%; а чемпионы — скандинавские страны: Дания — 74,7%; Швеция — 73,9%; Норвегия — 67,7%¹¹. Интересно, что Китай хоть и обладает высоким уровнем генерализованного доверия, но по доверию незнакомым людям (13,4%) существенно уступает и скандинавским странам, и России, что свидетельствует о принципиально другом «механизме доверия». Итак, уровень партикуляризированного доверия в Санкт-Петербурге и России в целом очень высок (что подтверждается исследованиями И. Мерсияновой¹² и др.); а вот радиус доверия в нашей стране невелик, данные Санкт-Петербурга по доверию незнакомым людям не являются показательными, так как сказывается эффект масштаба мегаполиса.

Институциональное доверие мы измеряли по отношению петербуржцев к федеральному правительству, хотя для более точного представления о нем необходимо исследовать отношения и к другим институтам. Однако данных такого вида достаточно, исследования подобного рода регулярно проводят ВЦИОМ, ФОМ и другие центры изучения общественного мнения. Мы спросили петербуржцев: «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?» (телефонный опрос, 2020 г.), по сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю» уровень институционального доверия составляет 46,4%. ФОМ раньше считал индекс доверия правительству РФ по дихотомической шкале, уровень доверия в среднем по РФ составлял 51% (данные 2010 г.)¹³, а после стал регулярно определять уровень одобрения правительства: «Как, по Вашему мнению, сегодня работает российское правительство — скорее хорошо или скорее плохо?». В октябре 2021 г. этот показатель составил 35%, в октябре 2022 г. — 48%¹⁴. ВЦИОМ также считает рейтинг одобрения правительства по дихотомической шкале — «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Правительства РФ?»: уровень одобрения составляет 52,1%¹⁵. По данным WVS уровень доверия правительству в России составляет 51,9% (2017 г.), что сопоставимо со Швецией — 50,7%; Норвегией — 59,2%; но сильно уступает Китаю — 94,6%. А вот Восточно-Европейские страны имеют гораздо более низкие показатели доверия правительству: Польша — 23,2%; Венгрия — 27,6%; Словакия — 30,4%; Сербия — 30,0%¹⁶. В нашем исследовании мы также просили респондентов оценить деятельность правительства в укреплении

¹¹ World Values Survey. Wave 7. Q61 // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

¹² Мерсиянова И. В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_Izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

¹³ Доверие правительству РФ // ФОМ. Доминанты. 2010. № 16. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d16dp10.pdf>. (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁴ Политические индикаторы // ФОМ. Доминанты. 2022. № 42. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d42pi2022.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁵ Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. 2022. 23 октября. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 24.10.2022).

¹⁶ World Values Survey. Wave 7. Q71. // World Values Survey. 2017—2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

доверия: «Как по-вашему, государство своими действиями расширяет доверие или провоцирует рост недоверия в нашем обществе?». Ответы были распределены по дихотомической шкале, 58,5% респондентов считают, что правительство провоцирует рост недоверия. Итак, в Санкт-Петербурге уровень институционального доверия (доверие Правительству РФ) примерно соответствует среднему российскому уровню институционального доверия, который сопоставим с европейским уровнем доверия правительству, однако сильно уступает уровню доверия правительству в азиатских странах.

Цифровое доверие мы измеряли по различным показателям: доверие интернет-банкингу; интернет-торговле; доставке товаров и услуг через интернет; доверие в социальных сетях; доверие источникам цифровой информации и т. д. Подробно мы описали результаты в другой работе [Веселов, Скворцов, 2021: 57—68], отметим только, что, вопреки нашим ожиданиям, уровень цифрового доверия оказался достаточно высоким, Россия в этом вряд ли отстает от других стран.

Все полученные данные мы анализировали не только в сравнительной перспективе, но и для того, чтобы выявить социальную структуру доверия.

Территориальное деление доверия. В крупных городах (таких, как Санкт-Петербург) уровень генерализированного доверия несколько выше среднего — на 3 п. п. В малых городах он снижается, и самый низкий — в сельских населенных пунктах (меньше на 9 п. п.). Этот вывод подтверждается в нашем исследовании также и при вопросе о самооценке доверия. В целом такое территориальное разделение в отношении генерализированного доверия обнаруживается и в других исследованиях (см., например, [Гудков, 2012])¹⁷. Объяснимо, что уровень цифровизации в области меньше, чем в городе (например, удаленная занятость, полностью или частично, характерна для жителей города — 34,8%, а в области только 16,4%), соответственно, ниже и уровень цифрового доверия.

Возрастное деление доверия. Понятно, что генерализированное доверие в пожилом возрасте (старше 60 лет) существенным образом снижается (это подтверждается и исследованиями ФОМ). Однако удивительно, что генерализированное доверие низкое для молодежи (18—29 лет), а далее — с 30 до 60 лет примерно одинаковое. Институциональное доверие, наоборот, выше у людей пожилого возраста, а вот цифровое доверие (во всех его видах) самое высокое у молодежи и самое низкое для людей пожилого возраста. «Цифровой разрыв» четко определяется при возрастном делении — наши пожилые люди почти полностью исключены из цифрового мира, им не удается его использовать для повышения своего благосостояния или для работы. Удивительный результат для нас в том, что партикуляризированное доверие (доверие членам семьи) выше для молодежи, чем для людей пожилого возраста, однако этот вывод требует дополнительной проверки.

Гендерное разделение доверия. Генерализированное и партикуляризированное доверие у мужчин и женщин примерно одинаково (что согласуется и с данными других исследований); а вот институциональное доверие у женщин несколько выше, чем у мужчин (например, правительству РФ доверяет 41,6% мужчин

¹⁷ См. также: Доверие как фактор общественной жизни (интервью с Л. Паутовой) // 2035.media. 2017. 14 июня. URL: <http://2035.media/2017/06/06/pautova-interview/> (дата обращения: 09.10.2022).

и 50,2% женщин). Цифровое доверие во всех его видах выше у мужчин, чем женщин (например, мы спросили наших респондентов:

— «Насколько Вы доверяете мобильным приложениям банков (типа Мобильный Сбербанк?): мужчины доверяют им полностью или частично — 74,2%, а женщины — 62%;

— «Пользуетесь ли Вы услугами заказа еды или доставки продуктов через интернет?»: среди мужчин такими услугами пользуются 53%, среди женщин — 32%. Даже при оплате коммунальных услуг через QR-коды преимущество у мужчин — 69,6% против 61,6% у женщин; доверяет интернет-магазинам 75,1% мужчин и 66,4% женщин; существенно меньше женщинам удается монетизировать цифровую занятость — 28% против 18%.

Образование и доверие. Высшее образование (и незаконченное высшее) существенно увеличивает доверие, причем как генерализированное, партикуляризированное, так и цифровое (что согласуется с данными ФОМ). Любопытно, что наличие ученой степени далее не повышает, а понижает доверие — институциональное доверие снижается с повышением уровня образования, а вот получать доход от «цифры» лучше всего получается у студентов.

Доходы и доверие. Для наших состоятельных сограждан (у кого доходы в десять раз превышают прожиточный минимум) уровень генерализированного и партикуляризированного доверия самый высокий, что подтверждается исследованиями ФОМ, а вот институциональное доверие (Правительству РФ) снижается с уровнем дохода; цифровое доверие во всех видах выше у богатых, чем у бедных.

Профессия и доверие. Самый высокий уровень генерализированного доверия у предпринимателей — 44,6% (телефонный опрос, дихотомическая шкала, 2020 г.), затем у специалистов с высшим гуманитарным образованием (37,4%), самый низкий у государственных служащих (14,3%); партикуляризированное доверие (доверие членам семьи, шкала Лайкерта) выше всего у специалистов с высшим гуманитарным образованием и ниже всего у государственных служащих; институциональное доверие (доверие правительству) самое высокое у пенсионеров, а самое низкое у студентов и предпринимателей. Парадоксально, что российской вакцине Спутник V менее всего доверяют военные, сотрудники полиции, прокуратуры и суда. Цифровое доверие во всех видах самое высокое у предпринимателей и специалистов с высшим техническим образованием, а самое низкое у неработающих пенсионеров.

Семейное положение и доверие. Никаких значимых результатов не определено — мы видим, что у женатых/замужних или разведенных уровень межличностного доверия выше, чем у вдов/вдовцов, но это скорее следствие возрастных различий, то же и для цифрового доверия — он выше у неженатых/незамужних, но это опять скорее следствие возраста.

Итак, наше исследование доверия в Санкт-Петербурге показало, что различные типы и виды доверия в городе примерно соответствуют средним российским показателям. Уровень генерализированного доверия несколько выше, партикуляризированного доверия несколько ниже, уровень институционального примерно такой же, как в среднем по РФ. Отличается существенным образом только радиус доверия за счет того, что уровень доверия незнакомым людям существенно выше,

чем в среднем по РФ, однако скорее это объясняется скорее эффектом масштаба мегаполиса. Это означает, что в плане доверия петербуржцы не отличаются от жителей других городов России: они сначала россияне, а потом уже петербуржцы (например, в своих вкусовых или культурных предпочтениях). Сравнивая наши данные с международной статистикой доверия, мы можем определить характерные черты или характер доверия — как в нашей стране сочетаются его определенные виды и типы. Уровень генерализированного доверия в Петербурге и России в целом относительно низкий (в международных сравнениях соответствует группе среднего низкого (*lower middle*) уровня, он характерен для бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы). Уровень партикуляризированного доверия высокий, но радиус доверия узкий — мы доверяем тем, кого знаем лично (членам семьи, друзьям, знакомым, соседям), но не доверяем тем, кого встречаем впервые. Уровень институционального доверия (доверия правительству) в России средний, вполне соответствует европейскому уровню, но сильно уступает азиатским странам, таким как Китай, Индия, Малайзия, Индонезия и др.

Наш основной исследовательский вопрос заключается в том, почему именно такой характер доверия сформировался в России? Многие (и мы в том числе) в 1990-х годах считали, что развитие экономики и рыночные реформы в России автоматически будут способствовать повышению уровня доверия между людьми, но этого не произошло. Потому что доверие — сложный социальный феномен, формирующийся за длительный период исторического времени под воздействием социальных, политических и экономических преобразований в стране. Доверие постепенно накапливается как социальный капитал (хотя может быть в момент социальных потрясений быстро растрчено), в течение длительного периода исторического времени оно формируется как определенная культура со своими правилами, нормами и ценностями [Купрейченко, Мерсиянова, 2013: 5—24]. Понять, почему в России сегодня такой уровень и характер доверия, можно только рассматривая социально-исторический процесс развития доверия как минимум за последние сто лет, поскольку именно в XX веке Россия прошла основной этап модернизации: если в XIX столетии она все еще была крестьянской страной с преобладающим сельским населением, невысоким уровнем образования и культуры и верой вместо доверия, то в советское время ускоренными темпами осуществила индустриализацию экономики, урбанизацию и секуляризацию общества. Вот только некоторые факты: согласно переписи 1897 г., в России число грамотных в возрасте 9—49 лет составляло 28,4%; доля городского населения была 9,89 млн чел. или 15 % населения; 60 % горожан проживало в малых городах с численностью до 50 тыс. чел.; две трети всей рабочей силы были заняты в сельском хозяйстве. Уже к 1939 г. доля грамотных составляла 87,4%; горожан было 33 % от населения страны; по переписи 1959 г. городское население превысило сельское — 52,4 %, а к 1992 г. составило 73 %¹⁸, к 1966 г. в сельском хозяйстве были заняты 31 %, а в промышленности и строительстве — 36 %¹⁹. Такие масштаб-

¹⁸ Римашевская Н. М. Городское население // Большая российская энциклопедия. 2004—2017. URL: <https://old.bigenc.ru/text/3039828> (дата обращения: 09.10.2022).

¹⁹ Страна Советов за 50 лет (Сборник статистических материалов). М.: Статистика, 1967. URL: <https://istmat.org/node/17047> (дата обращения: 09.10.2022).

ные преобразования не могли не отразиться на изменении отношений доверия. На основе концепций трансформации изучаемого феномена рассмотрим, как преобразовывалось доверие в России в начале XX столетия и в советское время.

Теоретические концепции трансформации доверия

В XIX веке Фердинанд Теннис заложил основы понимания социальной сущности трансформации доверия. Он разделял исторический процесс культурной эволюции на две эры — эру общности и эру общества. Эра общности характеризуется социальной волей в виде единодушия, обычая, религии; социальной основой общности являются родство, соседство, дружба и доверие. Эра общества характеризуется социальной волей в виде конвенции, политики, общественного мнения, ее основа — торговля, промышленность, деньги. В социальном плане люди в обществе пребывают «в существенной отдаленности друг от друга», «мало-помалу доверие вытесняется и заменяется расчетом, в коем будущее действие считается ...как соответствующее собственным интересам...» [Теннис, 2002: 63, 300]. Эту же линию продолжает Фрэнсис Фукуяма в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [Fukuyama, 1995]. Он опирается на парадигму модернизации: общества развиваются от традиционных к современным, от индустриальных к постиндустриальным, но доверие по своей природе неизменно — оно построено на традиции, на привычке, на моральных обязательствах; это элемент «славного прошлого» в настоящем. Доверие, как и вера, выступает высшим чувством, моральным феноменом (добродетелью), что обеспечивает необходимую стабильность в функционировании современного общества [Fukuyama, 1995: 11]. К моральным категориям доверие относят и другие ученые, например, Эрик Усланер [Uslaner, 2002].

Для объяснения изменения доверия Ф. Фукуяма использует понятие «радиуса доверия»: обычно под ним понимают круг людей, в котором распространено сотрудничество и высок уровень безусловного доверия. В традиционных обществах радиус доверия ограничивается небольшими группами (семья и родственные группы; кланы; соседские общины; этнические общности) — это так называемое частное, партикуляризированное доверие (*in-group trust*). При переходе к современным обществам радиус доверия расширяется и охватывает все общество — это обобщенное, генерализированное доверие (*out-group trust*) [Fukuyama, 2001: 7—20]. Фукуяма применяет эту методологию трансформации радиуса доверия в сравнительной социологии доверия. Он делит страны мира на три группы: к государствам с высокой «культурой доверия» он относит либеральные демократии (США, Германия, Япония). Китай, Франция, Италия характеризуются высоким уровнем партикуляризированного доверия (что Фукуяма называет *familistic trust* — доверие в рамках семейных групп или кланов), но низким уровнем генерализированного доверия. Страны Восточной Европы и Россию он причисляет к «атомизированным обществам» с самым низким уровнем социального капитала и культуры доверия. Однако сравнительные эмпирические исследования доверия в разных странах, проведенные в 1990-е и 2000-е годы, показали ошибочность этой концепции. Оказалось, что наивысшим уровнем генерализированного доверия обладают Китай и скандинавские страны. А США, Германия и Япония вхо-

дят в группу стран со средним уровнем генерализированного доверия. Феноменально низким уровнем генерализированного доверия отличаются латиноамериканские страны, никакого отношения к «атомизированным» постсоветским обществам не имевшие. Не подтверждают также концепцию трансформации «радиуса доверия» эмпирические исследования соотношения генерализированного и партикуляризированного доверия, проведенные командой российских и американских ученых. Например, при низком уровне генерализированного доверия в целом в России эмпирические исследования в Татарстане показали высокие уровни межгруппового доверия — между этническими группами (уровень доверия русских татарам и татар русским составляет около 90%) [Bahry et al., 2005: 521—532]. В эмпирическом исследовании, проведенном С. Рыжовой в Москве в 2014 г., также выявлено: «...очень высокое доверие друзьям, практически такое же, как родственникам и членам семьи (89,7 % „полностью доверяют“ и „скорее доверяют“), что дает основание считать, что потенциал горизонтальных связей все же очень широк» [Рыжова, 2016: 80]. Значит, тезис об «атомизации» Ф. Фукуямы также сомнителен. Однако позитивным в концепции доверия Фукуямы нам представляется выделение понятия «культуры доверия», что означает, что не все общества абсолютно одинаково конструируют отношения «доверия/недоверия», что каждое общество создает особую, укорененную в истории, систему правил и норм их формирования и изменения.

Противоположная концепция трансформации доверия представлена в работах Н. Лумана [Luhmann, 1996], А. Селигмена [Селигмен, 2002], Э. Гидденса [Гидденс, 2011] и П. Штомпки [Штомпка, 2012]. Н. Луман был одним из первых, кто подчеркнул, что само доверие как феномен возникает при переходе от традиционного общества к современному. Доверие основано не на чувстве, не на вере, а на расчете — это рациональная конструкция; она связана с проблемой неопределенности в поведении других и риска в планировании собственного действия, где риск — сознательно просчитываемая опасность. В традиционных обществах нет понятия риска²⁰, там есть понятия предопределенности, то есть судьбы и надежды. Для снижения неопределенности в традиционном обществе задействуется механизм знакомства (что называется *familiarity*, например, крестьянин в городе прежде всего ищет родственников), а в современном обществе для снижения сложности и решения проблемы риска формируется механизм доверия в межличностных отношениях и уверенности (*confidence* — этот термин Луман использует для характеристики доверия по отношению к институциональным системам) [Luhmann, 1996: 94—107]. А. Селигмен также подчеркивает современный характер доверия и связывает его с возникновением в XVII столетии разделения труда и с развитием рыночной экономики, что приводит к сложному (дифференцированному) ролевому поведению. Доверие как раз и появляется тогда, когда вместе с процессами секуляризации вера и верность как центральное социальное отношение феодального общества (где самое страшное преступление — вероломство) теряют свое прежнее значение, и их место в повседневной жизни человека замещает доверие [Селигмен, 2002: 21]. Доверие теперь становится частичным,

²⁰ Само слово «риск» приходит из словаря испанских мореплавателей эпохи Великих географических открытий.

в большей степени функциональным — мы доверяем не полностью и безоговорочно конкретному индивиду, а только когда он выполняет определенную функцию согласно правилам поведения роли в типических ситуациях. Рыночные отношения ежедневно создают проблему выбора, а выбор требует формирования механизма (правил и норм) доверия.

Э. Гидденс, говоря о доверии как о феномене современности (*late modernity* в его определении), связывает доверие в досовременных обществах с обязательствами личного характера (*facework commitments*), которые включены в локальное пространство и время. Поэтому он называет доверие в традиционных обществах «локальным доверием»; социальная среда этого типа доверия — родственные отношения; местное сообщество, например, соседи; формы религиозных верований и ритуалов; традиционное поведение (ориентация на прошлый опыт) [Гидденс, 2011: 236]. Доверие в современных обществах связано в большей степени с безличными отношениями (*faceless commitments*) — появляется фигура «другого» с которым необходимо взаимодействовать, но лично его вы не знаете, тогда в какой степени ему можно доверять? Современность характеризуется разделением пространства и времени; теперь не требуется соприсутствия — доверие функционирует дистанционно. Возрастает рефлексивность действия: это доверие абстрактным символическим системам, например, деньгам как символической системе обмена: если в традиционном обществе крестьяне не разбирались в рыночных ценах, только «купцы и торговцы знали цену вещам», то теперь каждому надо понимать, как работает рынок, деньги и цены. Это доверие экспертному знанию, например, научному или медицине как формам «надежного знания», или техническим системам, то есть знанию, которое жизненно важно для обычного функционирования человека в его повседневности.

П. Штомпка определяет доверие совсем в духе теории рационального выбора как Дж. Коулман [Coleman, 1990] и Й. Эльстер [Эльстер, 2011] — как вероятностное действие в условиях неопределенности. Однако важно то, что он соединяет это определение доверия с «правилами культуры»: «...решение об оказании доверия или отказе в нем принимается в устоявшемся культурном контексте, где нормативные правила подталкивают человека к доверию либо удерживают его от этого» [Штомпка, 2012: 159]. Культура доверия является «продуктом истории», она опирается на «традиции доверия» и зависит от нормативной связи в обществе (которая противостоит аномии), от его стабильности, от «прозрачности» институтов, «привычности» общественной среды и ответственности людей [там же: 306]. Исходя из этого, П. Штомпка объясняет и невысокий уровень доверия в постсоциалистических странах Восточной Европы — это следствие «великой травмы перемен», когда шоковый переход к рыночному обществу нарушил привычные правила функционирования общественных механизмов.

Итак, в самом общем виде процесс исторической модернизации доверия выглядит таким образом: традиционное доверие персонализированного характера (к конкретному индивиду), основанное на чувстве, на коллективной установке, формируется в крестьянских сообществах (общинах); это доверие локальное и партикуляризированное; в процессе развития рыночного общества, капитализма, урбанизации и секуляризации доверие традиционное все больше уступает место со-

временному доверию — доверию безличному, ролевому, абстрактному, институциональному, основанному на рациональности и воспроизводимому в городской среде.

Процессы трансформации и модернизации доверия в России

Для понимания трансформации доверия в России нам видится очень важным развитие его социальной истории, объясняющей, как возникает и трансформируется доверие в зависимости от социальных и экономических изменений [Hosking, 2006: 95—115]. В традиционном обществе России XIX столетия, где подавляющее большинство населения — крестьяне, доверие (как и вера) в основном выступает как чувство и охватывает узкий круг семьи и деревенского сообщества (соседей и родственников). Отношение к чужим построено на преобладающем недоверии (город даже воспринимается крестьянами как некое изодренное изобретение для обмана сельских тружеников). В начале XX века начинается медленный и постепенный процесс модернизации доверия: вместе с урбанизацией и развитием образования доверие из веры превращается в рациональную конструкцию, основанную не только на чувстве, но и на знании. Нужно учиться теперь доверять не только «своим», но и «чужим» (в городе ведь все теперь «чужие»). Это предполагает освоение новых правил и норм доверия в социальном мире, основанном на отчуждении [Стоянов, 2004: 32—49].

После отмены крепостного права процессы урбанизации в России были связаны с очень быстрой массовой миграцией крестьян в города. Происходило то, что получило потом название «окрестьянивание» городского населения — 80% населения в Петербурге конца XIX века было из крестьян. Бывшие жители деревни приносили с собой культуру и стереотипы доверия общинного типа: доверяли не функции, не институту, а конкретному индивиду. Еще больше после коллективизации 1930-х годов бывшие крестьяне распространяли в городской среде свои прежние патриархальные установки доверия, что предполагало доверие конкретной личности, от которой ждут управления по типу «твердой руки». Так возникает «культ личности», основанный на безусловном доверии тоталитарным лидерам. «В 1920-е годы коммунисты целенаправленно уничтожили или захватили большинство социальных институтов, которые прежде поддерживали габитус доверия: среди них были, в частности, церковь и семья... сталинский террор стал апогеем катастрофического надлома общественного доверия как в стране в целом, так и в партийно-государственном аппарате в частности» [Hosking, 2013: 1—25]. Массовые репрессии и доносительство, напрямую поощряемое государством, сформировали особенную «культуру недоверия» в российском обществе [Тихомиров, 2013].

В серии глубинных интервью мы изучали как «генетическая память» о 1930-х годах влияет на процессы формирования генерализированного доверия в советском и российском обществе.

Тогда в нашей стране были практически две группы населения — те, кто доносил, и те, на кого доносили. Основной причиной доносов было желание занять чужое место. Соответственно, доносили коллеги, знакомые. Естественно, это привело к формированию атмосферы недоверия, которая на генетическом уровне передалась потомкам участников этого процесса, причем с обеих сторон... (Женщина, 59 лет)

В те времена доверять можно было только членам своих семей, а вот так называемым коллегам по работе и даже друзьям нет. Такая беда случилась с матерью моей бывшей свекрови... Она работала в библиотеке, и начальница обвинила ее в краже редких книг, которые, на самом деле, украла сама. Завели уголовное дело. Она не смогла оправдаться и в результате повесилась. Это сломало жизни ее детям...И так произошло не в одной семье. Поэтому история репрессий не могла не повлиять на культуру недоверия в нашей стране. (Женщина, 56 лет)

Люди по умолчанию настроены очень недоверчиво друг к другу. Может, связано с историей. На каком-то уровне национального сознания. (Женщина, 24 года)

Волна послевоенной урбанизации (городское население впервые превысило сельское) и индустриализации в 1950—1960-е годы постепенно преобразует личностное доверие в институциональное — радиус доверия расширяется, доверяют теперь не только людям, но и институтам (например, науке или производству). Возникает новый тип доверия — доверие техническим системам и инженерному знанию. Доверие другим в городском сообществе строится по типу ролевого (например, кассиру в магазине доверяют не как конкретному человеку, а только как исполнителю институциональной роли). Вот как описывает один наш респондент институциональное доверие в те годы:

Правительству СССР я безусловно доверяла. Вы знаете, что в Советское время была уверенность, что государство обеспечит всем бесплатное образование и медицинские услуги. Надеялись и на получение других социальных льгот. Например, недорого отдохнуть и даже получить квартиру. Хотя, справедливости ради нужно сказать, что ждать квартиру приходилось долго... (Женщина, 70 лет)

Итак, первый этап модернизации доверия завершился в СССР к 1960-м годам, однако российскому обществу предстояло преодолеть новые вызовы трансформации. В 1990-е годы распад СССР, шоковый переход к рынку способствовали быстрой растрате капитала доверия: «Мы прошли через 1990-е годы, когда каждый обманывал каждого. Это было страшное время. Тогда и сформировалась обстановка недоверия...» (Женщина, 59 лет).

В 2000-е годы в связи с надеждами на будущее генерализованное доверие стало немного увеличиваться, но скоро опять снизилось. Причины этого множественны, но есть два обязательных условия для развития доверия. Первое условие мы знаем из эмпирических исследований [Delhey, Newton, 2005: 311—327]: генерализованное доверие возрастает, когда люди считают общественное устройство (особенно механизмы распределения) справедливым. Однако неравенство во всех его видах (неравенство доходов, центра и периферии, этническое неравенство) в то время возрастало, что препятствовало укреплению доверия между людьми. Второе условие связано с «прозрачностью» и эффективностью работы общественных институтов. Этого тоже не произошло, в результате россияне стали доверять больше всего институтам, эффективность которых в повседневной жизни вряд ли определяется — это церковь и армия. «Повседневное практическое

недоверие, высказываемое по отношению к окружающим (малознакомым) людям, сопровождается, или компенсируется, высоким декларативным доверием к трем особо значимым символическим институтам: а) к главе государства; б) к церкви и в) к армии» [Гудков, 2012: 75—99]. Так же произошло и в других восточноевропейских странах, например Черногории [Шарович, Черанич, Кривокапич, 2022: 64—73]. Однако возможность изменения культуры доверия в России сегодня вполне реальна. Мы считаем, что такая возможность связана прежде всего с развитием «цифрового общества» и цифровой культуры доверия.

Заключение

Логика формирования доверия/недоверия в России начала XX века связана с общими закономерностями социальной и экономической модернизации. Вследствие процессов индустриализации и урбанизации традиционное доверие, основанное на доверии внутри сельских сообществ, трансформируется в современное, основанное на доверии генерализированном, институциональном и ролевом в рамках городской среды. Наши эмпирические исследования показали, что тяжкий груз «культуры недоверия», сформированной в 1930-е годы в советском обществе, до сих пор препятствует процессу накопления «капитала доверия». Падение уровня доверия в 1990-е, связанное с «шоковой терапией» и общей «травмой перемен», также не способствовало формированию генерализированного и институционального доверия. Начавшееся было укрепление доверия в 2000-е годы не удалось удержать в последующие годы, главным образом вследствие роста всех видов социального неравенства и из-за неэффективной работы общественных институтов (количество нормативных правил увеличивалось, а качество их оставалось крайне низким). Наши эмпирические исследования подтверждают, что уровень генерализированного доверия в России низкий. По нашим данным, в Санкт-Петербурге он составляет 25,7 %; что подтверждается также низким уровнем самооценки доверия среди россиян. На вопрос «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?» 1,2 % респондентов отвечают «полностью доверяют», а «частично доверяют» — 40,4 %. Уровень партикуляризированного доверия достаточно высокий — 95,4 %; уровень институционального доверия (на примере доверия федеральному правительству, по сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю») составляет 46,4 %, что весьма далеко от Китая и Индии — лидеров в этом виде доверия (все данные 2020 и 2021 гг.).

Однако культура доверия не стоит на месте. Ее современное преобразование связано с начавшейся полномасштабной цифровой революцией. Мы видим, как растет доверие цифровым сервисам и цифровым экономическим институтам. Например, уровень охвата цифровыми банковскими приложениями очень высок — ими пользуются около 90 % населения Санкт-Петербурга. Уровень доверия к ним тоже значительный — 33,4 % респондентов им полностью доверяют и 33,9 % доверяют частично. Да и наша ненавистная всем государственная бюрократия, приняв цифровую форму, вдруг получает высокое доверие граждан. Мы спросили наших респондентов: «Насколько Вы доверяете цифровому portalу „Госуслуги“?» Полностью доверяют 37,5 % и частично доверяет 30,1 %. Постепенно формируются новые правила, нормы и ценности в цифровой среде, так создается цифровая культура

доверия. Она, конечно, испытывает болезни роста — распространившееся цифровое мошенничество, рост агрессии и «хейтерства» мешают становлению доверия в цифровой среде, тем не менее это все же временное явление.

Вряд ли цифровое доверие быстро изменит наше обычное доверие; об этом говорит, в частности, Э. Усланер²¹. Наше исследование подтверждает этот вывод: для молодых людей характерен самый высокий уровень доверия «в цифре», однако у них это не приводит к росту доверия к другим в реальной жизни: генерализованное доверие составляет 25,6% для группы 18—29 лет в сравнении с 30,9% для группы 50—59 лет. Однако в долгосрочной перспективе формирующаяся культура цифрового доверия обязательно повлияет на уровень генерализованного и институционального доверия в российском обществе.

Список литературы (References)

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 19.02.2023).

Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Боровинских О. С. Доверие как фактор социально-экономического развития в крупных городах Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 23. С. 236—240. URL: <https://moluch.ru/archive/157/> (дата обращения: 19.02.2023).

Borovinskikh O. S. (2017) Trust as a Factor of Socio-Economic Development in Large Cities of the Russian Federation. *Young Scientist*. No. 23. P. 236—240. URL: <https://moluch.ru/archive/157/> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57—68. <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.

Veselov Y. V., Skvortsov N. G. (2021) Trust in the Age of Digital Transformations: A Sociological Study. *Sociological Studies*. No. 6. P. 57—68. <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>. (In Russ.)

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8—47. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom2_2.pdf (дата обращения: 19.02.2023).

Gudkov L. (2012) “Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 2. P. 8—47. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom2_2.pdf (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

²¹ Uslaner E. Trust, Civic Engagement, and the Internet. Paper Prepared for the Joint Sessions of the European Consortium for Political Research, Workshop on Electronic Democracy: Mobilisation, Organisation, and Participation via New ICTs. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/2405374_Uslaner_Trust_Civic_Engagement_and_the_Internet_1 (дата обращения: 17.02.2023).

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122—139

Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Social Sciences and Modernity*. No. 3. P. 122—139. (In Russ.)

Купрейченко А. Б., Мерсиянова И. В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / науч. ред. М. С. Рождественская. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 5—25.

Kupreichenko A. B., Mersiyanova I. V. (2013) Culture of Trust and Mistrust of Civil Society. In: Rozhdestvenskaya M. S. (ed.) *Trust and Mistrust in the Context of the Development of Civil Society* Moscow: HSE Publishing House. P. 5—25. (In Russ.)

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2008.

Kupreychenko A. B. (2008) The Psychology of Trust and Distrust. Moscow: The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2015. Т. 25. № 2. С. 34—41. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2798> (дата обращения: 19.02.2023).

Leonova I. Yu. (2015) Trust: Definition, Types and Functions. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 25. No. 2. P. 34—41. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2798> (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. № 4. С. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>.

Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. (2018) Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>. (In Russ.)

Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 1. С. 72—94. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>.

Ryzhova S. V. (2016) Trust and Ethnic Tolerance Under Conditions of Social Change. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 72—94. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>. (In Russ.)

Рыжова С. В. Доверие и этнические установки как элементы регионального социального капитала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2. С. 81—98. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6411>.

Ryzhova S. V. (2019) Trust and Ethnic Attitudes as Elements of Regional Social Capital. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 2. P. 81—98. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6411>. (In Russ.)

Селигмен А. Проблема доверия. М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002.

Seligman A. (2002) The Problem of Trust. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Стоянов К. Доверие и отчуждение: аспекты социологической концепции Г. Зиммеля // Экономика и социология доверия / под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 32—49.

Stoyanov K. (2004) Trust and Alienation: Aspects of G. Simmel's Sociological Concept. In: Veselov Yu. V. (ed.) *Economics and Sociology of Trust*. Saint Petersburg: Russian Sociological Society Named by M. M. Kovalevsky. P. 32—49. (In Russ.)

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Tönnies F. (2002) *Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology*. Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)

Тихомиров А. А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917—1941 годы // Неприкосновенный запас. 2013. № 6. С. 98—117. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/92_nz_6_2013/article/10731/ (дата обращения: 19.02.2023).

Tikhomirov A. A. (2013) “Regime of Forced Trust” in Soviet Russia, 1917—1941. *Neprikosnovenny Zapas*. No. 6. P. 98—117. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/92_nz_6_2013/article/10731/ (accessed: 19.02.2023). (In Russ.)

Шарович Р., Черанич Г., Кривокапич Н. Доверие к социальным институтам как индикатор общественно-политических изменений в Черногории (2008—2020 гг.) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 64—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250017773-3>.

Sarovic R., Ceranic G., Krivokapić N. (2022). Trust in Social Institutions as an Indicator of Socio-Political Changes in Montenegro (2008—2020). *Sociological Studies*. No. 3. P. 64—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250017773-3>. (In Russ.)

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

Sztompka P. (2005) *Sociology. Analysis of Modern Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Trust as the Basis of Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Шрадер Х. Доверие, сети и социальный капитал // Экономика и социология доверия. / под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 49—61.

Schrader H. (2004) Trust, Networks and Social Capital. In: Veselov Yu.V. (ed.) *Economics and Sociology of Trust*. St. Petersburg: Russian Sociological Society named M. M. Kovalevsky. P. 49—61. (In Russ.)

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения. М.: ИД ВШЭ, 2011.

Elster J. (2011) *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R. (2005) Ethnicity and Trust: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 4. P. 521—532. <https://doi.org/10.1017/S0003055405051853>.

Coleman J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap Press.

Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? *European Sociological Review*. Vol. 21. No. 4. P. 311—327. <https://doi.org/10.1093/esr/jci022>.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.

Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. London: Hamish Hamilton.

Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1. P. 7—20. <https://doi.org/10.1080/713701144>.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Hu A. (2017) Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement. *Social Science Research*. Vol. 68. P. 147—162. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2017.08.004>.

Hosking G. (2006) Trust and Distrust: A Suitable Theme for Historians? *Transactions of the Royal Historical Society*. No. 16. P. 95—116. <https://doi.org/10.1017/S0080440106000429>.

Hosking G. (2013) Trust and Distrust in the USSR: An Overview. *Slavonic and East European Review*. Vol. 91. No. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.5699/slaveasteurorev2.91.1.0001>.

Lim C., Im D-K., Lee S. (2021) Revisiting the “Trust Radius” Question: Individualism, Collectivism, and Trust Radius in South Korea. *Social Indicators Research*. No. 153. P. 149—171. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02496-4>.

Luhmann N. (1996) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. In: Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Blackwell. P. 94—107.

Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Sztompka P. (1999) *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. New York, NY: Cambridge University Press.

Van Hoorn A. (2014) Trust Radius Versus Trust Level: Radius of Trust as a Distinct Trust Construct. *American Sociological Review*. Vol. 79. No. 6. P. 1256—1259. <https://doi.org/10.1177/0003122414555398>.